

Семинар 12. УСР – Беларусь в современном цивилизационном процессе

ФИЛОСОФИЯ

(дневное отделение)

Кузнецов Виталий Владимирович

Семинар 12. УСР – Беларусь в современном цивилизационном процессе

Оглавление

1. Восточнославянская цивилизация между Западом и Востоком	2
2. Белорусская модель социально-экономического развития и цивилизационный выбор Беларуси в глобализирующемся мире	5
3. Проблема социокультурной идентификации человека в современном обществе	7
4. Традиции и новации в исторической динамике культуры	9
В.С. Стёпин о диалоге культур и поиске новых ценностей	12

***   ***   ***

1. Восточнославянская цивилизация между Западом и Востоком

Вопросы и задания:

1. Какие черты славянской духовности выделяют В.С. Соловьев Н.Я. Данилевский?
2. В чем заключается суть основных подходов при анализе путей развития славянства?
3. Какие черты белорусов выделяют исследователи?

Культурно-цивилизационная самоидентификация очень важна для духовной жизни народа. Н. Данилевский, А. Тойнби, Л. Гумилев выделяли цивилизационные атрибуты в качестве решающих факторов, которые определяют специфику исторического развития. Именно уникальность культуры, языка, народных традиций выступает индикатором общности или же отличий различных этнических групп.

По признакам языка, духовной и материальной культуры белорусы принадлежат к славянской группе индоевропейской семьи народов, а точнее к восточным славянам, куда также входят русские и украинцы.

Проблеме общеславянских духовных ценностей уделял внимание еще В.С. Соловьев, пытаясь постичь дух народа, выразить глубинные антиномии и напряжения славянского суперэтнуса. В славянской духовности, в отличие от западного образа мышления с его аналитической, холодной рациональностью, он видел сплав язычества (мифологизм), христианства (мудрость) и европейского мышления (рационализм). С точки зрения Н.Я. Данилевского, менталитет славян в большей степени соотнесен с христианским идеалом. Славянству, по его мнению, свойственен дух свободы, хотя это стремление к свободе обусловлено умением и привычкой славянских народов повиноваться, наличием у них уважения и доверия к власти и в основном отсутствием властолюбия.

Формирование духовных ценностей восточного славянства связано с влиянием православно-византийского духовного наследия. Благодаря братьям-просветителям Кириллу и Мефодию была не только передана вся сумма знаний, накопленная Византией и полученная ею в наследство от античной цивилизации, но и произошла трансляция ее исторического опыта, правовых и этических норм, духовных ценностей.

При анализе путей развития славянства традиционно выделяются *два подхода*. Один из них основан на идее единения всех

славян, включая тесную политическую интеграцию. Такое направление получило название *панславизма*. Он зародился еще в XVII в. Впоследствии его активными сторонниками выступали Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев. На белорусских землях активным сторонником объединения всех восточных славян в едином федеративном государстве был известный деятель ВКЛ Л. Сапега. К единству призывал и церковный подвижник и писатель XVII в. А. Филиппович.

Одновременно достаточно сильны и влиятельны *дезинтеграционные тенденции* на восточнославянском цивилизационно-культурном пространстве. Любопытно, как смотрят на восточнославянский регион на Западе. Так, С. Хантингтон в своей концепции «столкновения цивилизаций» отводит особую роль славянам, фактически подтверждая их духовно-культурную и даже экономическую общность. З. Бжезинский, по сути, отстаивая необходимость дезинтеграции евразийского пространства, признает важность восточнославянского региона, но в качестве противовеса усилению исламского фактора и для недопущения «конфуцианско-мусульманской» связи.

Наряду с общеславянскими духовными ценностями большую роль играют и национальные духовные отличия. Так, национальные ценности белорусов формировались в контексте восточнославянского менталитета, испытывая при этом существенное влияние как Востока, так и Запада. Многие исследователи отмечают, что белорусы *миролюбивы*, для них не характерно чувство национального превосходства над другими национальностями. Говоря о толерантности белорусской нации, обычно выделяют такие черты, как рассудительность и *поиск справедливости*, несклонность к применению насилия, стремление к разумному компромиссу, чуткость, уважение к людям с иным мировоззрением и стилем мышления.

Философия : учебное пособие / А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А.С. Лаптёнка. – Минск: РИВШ, 2022. – С. 242–244.

2. Белорусская модель социально-экономического развития и цивилизационный выбор Беларуси в глобализирующемся мире

Вопросы и задания:

1. На каком фундаменте базируется настоящее Республики Беларусь?
2. Каковы основные принципы, на основе которых происходит политическое и социально-экономическое развитие Беларуси?
3. В чем состоит суть дискуссии относительно дальнейших путей развития Беларуси?

Независимость пришла к белорусам в результате крупнейшей геополитической катастрофы XX в. – крушения Советского Союза, который на протяжении многих десятилетий являлся одним из двух основных мировых полюсов. Именно в рамках советской системы, при всех ее серьезных недостатках, сложилась современная белорусская государственность в виде Белорусской Советской Социалистической Республики. За период существования БССР сформировались индустриальный и аграрно-промышленный комплексы, были основаны культурные и научно-образовательные институты, которые действуют до сих пор. Поэтому уместно говорить о том, что суверенная и независимая Республика Беларусь, провозглашенная в 1991 г., стоит на советском субстрате. Преемственность с советским периодом неоднократно подчеркивал в своих речах и А.Г. Лукашенко. Символически она выражена в том, что Государственный Герб и Государственный Флаг Республики Беларуси в своих основных чертах схожи с государственными символами БССР. В качестве мелодии белорусского национального гимна избрана именно музыка гимна БССР.

На основе опыта предшествующих поколений в Беларуси сформировалась собственная модель политического и социально-экономического развития. Она опирается на несколько основных принципов:

- независимость и суверенитет;
- социальная справедливость;
- многовекторность внешней политики;
- отрицание насилия как инструмента международных отношений;
- взаимодействие сильной государственной власти и общественных институтов;
- приоритет права при разрешении конфликтов;
- равенство различных форм собственности;
- народовластие в форме прямой демократии.

В политике белорусских властей и общественной практике отмечается тенденция к превалированию коллективного над частным. Для белорусской модели заметно стремление избегать конфликтов и разрешать их на основе компромисса. Это хорошо продемонстрировало решение о равноправии белорусского и русского языков, принятое на референдуме 1995 г., что позволило избежать межнациональных конфликтов, характерных для многих республик бывшего Советского Союза.

В настоящее время продолжается активная общественная дискуссия относительно дальнейших путей развития Беларуси. Краеугольным камнем подобных споров является выработка объединяющей национальной идеи. Белорусский философ и социолог Е.М. Бабосов отмечает, что «национальная идея воплощает в себе притягательный идеал и высшую цель для всей нации, для всего белорусского народа и для всех представителей других этнонациональных групп, которые проживают в нашей стране». Он же подчеркивает, что *национальная идея не возникает одномоментно*, а представляет собой высшее духовное достояние, выстраданное народом.

Философия : учебное пособие / А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А.С. Лантёнка. – Минск: РИВШ, 2022. – С. 244–246.

3. Проблема социокультурной идентификации человека в современном обществе

Вопросы и задания:

1. В чем состоит суть концепций социокультурной идентификации человека?

Как отмечалось в материалах к 11 семинару, на фоне неудовлетворенности результатами глобализации все большую популярность стал приобретать термин «глокализация». Он характеризует феномен сосуществования региональных отличий, которые тесно взаимодействуют и дополняют друг друга, но при этом не подвергаются унификации. Отдельные ученые даже говорят о цивилизационном дуализме (Р. Робертсон), когда общемировые тенденции неизбежно сосуществуют с серьезными локальными отличиями.

Часть научного сообщества, напротив, утверждает, что подобно тому, как в Новое время становлению и развитию национальных государств способствовал национализм, а идентификация граждан осуществлялась через национальное сознание и культурную принадлежность к нации, современная глобализация нивелирует национализм и приведет к возникновению «постнационального общества» (Ю. Хабермас). При этом национализму авторами подобной концепции придается чисто гражданская форма, возлагается надежда на вненациональную всеобщую политическую культуру, которая позволит перестроить солидарность граждан «на абстрактной основе конституционного патриотизма», не прибегая к ментальной укорененности в нации и истории, национально-культурной идентичности. Такая альтернатива реализуется, согласно этому подходу, по «мере создания наднациональных дееспособных акторов, подобных Европе», где граждане Евросоюза с целью солидарности должны, невзирая на национальные границы, научиться признавать друг друга в качестве

части одной и той же государственно-политической системы.

Толерантный сценарий разрешения противоречий глобализации и национализма предлагает У. Бек в своей концепции «космополитического государства». Она заключается в становлении надгосударственных структур единой Европы, элиминировании национального, ограничении национальных правительств, создании транснациональных структур и пространств, объединенного суверенитета. Обретение национальными государствами «космополитического характера» является, по словам У. Бека, «ответом на вызовы глобализации» и противостоянием этническому, религиозному и националистическому фундаментализму.

Альтернативные модели «объяснения Европы» видят как нацию, так и национальное государство в качестве своих основных ориентиров. Что же касается пророчеств о глобальной культуре, то они, по мнению представителей данного направления, не в состоянии учесть укорененность культур во времени и пространстве и зависимость идентичности от исторической памяти. Чтобы мобилизовать энергию европейских граждан, необходимо рассмотреть «общеевропейские традиции» и разработать миф об их происхождении, переписать историю, изобрести ритуалы и символы традиций, которые создадут новую идентичность, «новый рационализм», а значит, и новый образ Чужого. «Трансформация в глобальное гражданское общество» не должна быть ответом, по мнению М. Спикера, на вызовы глобализации.

При всех очевидных экономических, политических и социокультурных преимуществах глобализации относительно развитых стран для многих других она оборачивается значительными потерями и разочарованиями. Кризис общечеловеческих ценностей к началу XXI в., глобализация потребительских интенций на самых высоких государственных и международных уровнях ведут к необходимости поиска перехода человечества на качественно новый уровень развития.

Философия : учебное пособие / А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А.С. Лаптёнка. – Минск: РИВШ, 2022. – С. 242–243.

4. Традиции и новации в исторической динамике культуры

Вопросы и задания:

1. В чем заключается сущность традиции и инновации?
2. Каким образом взаимообусловлены традиции и новации?

В современной философии категория *культурной традиции* определяется как выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансляции аккумулируется и воспроизводится в различных коллективах (Э.С. Маркарян).

Содержанием традиции являются общественные установления, обычаи, обряды, другие санкционированные обществом формы поведения и деятельности, которые остаются относительно неизменными на протяжении жизни нескольких поколений. Сущность традиции заключается в том, что она, являясь особым алгоритмом и механизмом передачи культурного наследия, оказывает направленное, регулирующее воздействие на процессы восприятия и оценки информации, циркулирующей в обществе. Представляя собой иерархию семантических констант, социокультурных кодов, традиция организует содержание культуры, обеспечивая селективность межкультурных коммуникаций, а также фрагментацию и интеграцию смысла внутри конкретного культурно-семиотического пространства.

Традиция обеспечивает единство социально-исторического опыта народа, связывая в нерасторжимое целое его прошлое, настоящее и будущее. С функциональной точки зрения она определяется как формальный алгоритм связи между исторически различными срезами культуры, обуславливающий неизменность воспроизведения доминирующей системы ценностей в новых культурно-исторических условиях жизни общества. Культурная традиция является «особым типом отношений между

последовательными стадиями развивающейся социальной системы, при котором на новом уровне бытия этой системы стереотипно и инвариантно воспроизводятся структурные и функциональные характеристики ее предшествующего уровня».

Поскольку культурная традиция воспроизводит устойчивые формы жизни в новых социально-исторических условиях, она должна допускать возможность модификации транслируемого содержания, чтобы обеспечить адаптацию последнего к непредвиденным условиям и ситуациям. Инвариантность, стабильность, устойчивость культурной динамики – только одна сторона исторического развития культуры.

Другой стороной диалектически единого процесса культурной динамики является инновация. Культура не может существовать без постоянного обновления своей формы и содержания. *Инновации* представляют собой процесс целенаправленного изменения общественной жизни, который заключается в создании новых, не встречавшихся в прошлом, относительно стабильных элементов культуры (духовных, материальных, социальных), их включении в сложившуюся систему знаний, ценностей, деятельности, социальной коммуникации, поведения и общения людей. Инновации обеспечивают динамизм культурной жизни, пластичность культурных форм, возникновение качественно новых элементов культуры.

В структуре инновации можно выделить несколько компонентов. *Новшество* как содержание инновации является результатом человеческого творчества – интеллектуального, научного, технического, художественного, социального. Это новый элемент культуры, который, как целое, не имеет аналогов в прошлом. Новшество, в свою очередь, является предметом *нововведения*. Последнее, в отличие от новшества, представляет собой иницилируемый человеком процесс изменения, переход определенного фрагмента культуры, социокультурной системы из одного состояния в другое.

В динамике культуры *инновационный процесс* распадается на

ряд последовательных стадий:

1) зарождение – осознание потребности и возможности изменений, поиск или создание соответствующего новшества;

2) освоение – определение ценности и значения инновации, обоснование новшества, его включение в ценностно-смысловое пространство культуры, применение и стандартизация;

3) диффузия – тиражирование и массовое распространение новшеств, их популяризация, проникновение в различные сферы культурной жизни;

4) рутинизация – превращение новаций в стабильные, социально признанные и постоянно функционирующие элементы культуры.

Инновационный процесс считается полностью завершенным, когда новшества проходят весь жизненный цикл, становясь полноценными элементами культуры, формами привычного знания, поведения, стандартного способа деятельности, превращаясь из новаций в актуально и стереотипно функционирующие культурные практики.

Проблема взаимообусловленности традиций и новаций является одной из центральных в изучении динамики культуры. Роль традиций в этом процессе оказывается неоднозначной и противоречивой.

С одной стороны, являясь стабилизирующей, инерционной характеристикой культуры, традиция стремится воплотить прошлое в настоящем и тем самым препятствует зарождению принципиально новых культурных практик. Преимущество и устойчивость сложившихся форм социокультурного бытия традиция обеспечивает, потому что является механизмом стереотипизации принимаемых группой инноваций.

С другой стороны, актуализация содержания культурных традиций всегда осуществляется в конкретном социокультурном контексте, который влияет на характер и способы восприятия реципиентами транслируемых элементов социального опыта. При

этом содержание традиции испытывает противодействие со стороны новых форм жизни (новых знаний, идей, социальных практик, технологий деятельности и т. п.), отвечающих требованиям современности. Для того чтобы сохраниться в исторически меняющихся условиях, традиция вынуждена трансформировать исходные значения, чтобы сохранить их регулятивный и стабилизирующий потенциал. Следовательно, формальные механизмы культурной традиции, заложенный в ней алгоритм связи между старым и новым, должны быть гибкими и оставлять последующему поколению свободу выбора интерпретаций.

Историческое развитие культуры предстает как сложный процесс преодоления и забвения отживших свой век социальных практик, знаний, ценностей, форм жизнедеятельности людей, процесс, который выступает в качестве стержня социальной самоорганизации. При этом традиции и новации оказываются взаимно обусловленными сторонами единой динамики культуры. Инновация служит не только потенциальным источником обновления культуры, но и способом модернизации традиций. Традиция же выступает в качестве необходимой предпосылки творческой деятельности человека, поскольку определяет ее смысловой горизонт и ценностную направленность, опосредованно влияя на формы и способы обретения идентичности.

Философия : учебное пособие / А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А.С. Лаптёнка. – Минск: РИВШ, 2022. – С. 246–248.

В.С. Стёпин о диалоге культур и поиске новых ценностей

Перед чтением и конспектированием данного текста следует повторить конспект по вопросам к тексту В.С. Стёпина в *Семинаре 1. Становление философии в культурах Древнего Востока* (о влиянии идей восточной философии на развитие глобализирующегося человечества).

Вопросы и задания:

1. Какие группы (кластеры) причин, с точки зрения В.С. Стёпина, демонстрируют актуальность проблемы диалога культур в современном мире?
2. На каких основаниях базируется нынешняя стратегия глобализации, и что является основой альтернативной стратегии?
3. Какую роль в формировании альтернативной стратегии играет философия?
4. Каковы предпосылки и в чем суть синтеза идей (представлений), разработанных в древних восточных культурах, и достижений современной техногенной культуры?
5. На каких основных моментах делает акцент В.С. Стёпин в переключке между культурой западной цивилизации и традиционными восточными культурами?

Актуальность проблемы диалога культур в эпоху современной глобализации вызвана множеством взаимосвязанных причин. С некоторой долей условности их можно разделить на три кластера.

Первый из них связан с усилившейся миграцией людей в современном глобализирующемся мире. Возникают проблемы адаптации носителей разных культурных традиций. В сложившейся культурной среде национальных государств возникают новые культурные анклавы, нередко вызывающие напряжения и конфликты. Не исключено, что глобальное потепление и такие его последствия как повышение уровня Мирового океана и затопление больших населенных участков суши приведет к новому великому переселению народов. А это неизбежно породит проблемные ситуации столкновения и взаимодействия различных культурных традиций.

Второй кластер причин, актуализирующих проблематику диалога культур, связан со становлением в ходе современной глобализации новых крупных межгосударственных образований.

Опыт Евросоюза становится для многих стран своего рода паттерном¹. Несколько иной опыт добровольного объединения демонстрирует Союз независимых государств (СНГ), образовавшийся после распада СССР. Вероятно, будет специфика и в реализации проектов интеграции ряда государств Южной Америки, как и недавно заявленного проекта интеграции стран Азии (Японии, Китая, Индии, Южной Кореи и ряда государств Юго-Восточной Азии).

Интегративные процессы сопровождаются поисками новой культурной идентичности. В качестве побочных негативных эффектов этого процесса могут возникать неожиданные обострения национальных отношений (причем это относится и к такому продвинутому в интеграционном плане образованию как Евросоюз). Такого рода коллизии проявляются и в СНГ. Это своего рода «болезнь роста», связанная с поиском национальной идентичности. Я имею в виду ситуации, когда национальные элиты искусственно противопоставляют национальные языки русскому языку, национальную культуру русской культуре. Но в XXI веке национальная идентичность не должна строиться на основе культурной изоляции и поиска врага. Это – стратегии прошлого. Поэтому так важен диалог культур, который предполагает взаимное уважение и обогащение культур в процессе взаимодействия.

Наконец, **третий кластер причин**, на мой взгляд, систематизирующих, связан с поиском новых стратегий глобализации и цивилизационного развития.

В конце XX начале XXI века стратегия глобализации определялась стремлением сделать либеральные ценности основой будущей планетарной интеграции. Паттерны, демонстрирующие воплощение этих ценностей представляли собой идеализацию различных аспектов образа жизни **общества потребления** (реализованного в США и Западной Европе).

---

¹ *Паттерн* (англ. pattern «образец, шаблон; форма, модель; схема») — схема-образ, повторяющийся элемент в различных сферах жизни; набор стереотипных поведенческих реакций или последовательностей действий.

Их глубинными основаниями были ценности, сформировавшиеся в эпоху становления «проекта модерн» и модифицированные во второй половине XX века в процессе формирования общества потребления.

Выразителем и пропагандистом идеалов **потребительского общества** стала **массовая культура**. Ее внедрение в культуру обществ, сохраняющих самобытные традиции, создает угрозу утраты этой самобытности и вызывает дестабилизацию этих обществ.

В принципе эффективность модернизации, основанной на копировании западных образцов, сегодня подвергается серьезным сомнениям. Тезис «делайте как мы, и вы будете жить как мы» содержит большую долю лукавства. Менее 5% населения Земли, живущих в США, потребляют по разным подсчетам от 42 до 45% годового производства мировой энергии, и вместе со своими транснациональными корпорациями дают более двух третей грязных выбросов, засоряющих среду (при этом большинство загрязняющих производств этих корпораций размещены в странах третьего мира).

На современном этапе есть все основания полагать, что **либеральная стратегия глобализации**, ориентированная на идеалы и паттерны потребительского общества, практически не выходит за рамки известной **концепции «золотого миллиарда»**.

Идея «диалога культур» предполагает альтернативную стратегию, основанную на учете специфики различных культурных традиций и критическом анализе ценностей «проекта модерн», склеенных с идеалами общества потребления.

Философия органично включается в обсуждение и поиск решения этих проблем. Она на всех ступенях своей истории **осуществляла рефлекссию над фундаментальными жизненными смыслами и ценностями культуры**. Их называют по-разному — концептами, категориями культуры, **универсалиями культуры**. Я применяю для их обозначения термин «мировоззренческие универсалии». Они представлены содержанием категорий «человек», «природа», «пространство», «время», «личность», «деятельность»

«свобода», «справедливость», «истина» «красота» и т. д.

В своем сцеплении и взаимодействии они образуют целостную картину человеческого жизненного мира, которая называется мировоззрением. **Мировоззренческие универсалии** определяют не только понимание и осмысление мира, его рациональное постижение, но и переживание человеком мира, эмоциональные оценки различных состояний и ситуаций человеческой жизни.

Они системно организуют все многообразие надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (знаний, предписаний, правил, верований, ценностей, образцов поведения и деятельности т. д.), образующих «тело культуры». Мировоззренческие универсалии выступают своеобразными генами социальной жизни, в соответствии с которыми воспроизводится тот или иной тип общества. Для того, чтобы радикально изменить общество, надо изменить эти гены.

Философия активно участвует в таких изменениях. Она осуществляет рефлексию над фундаментальными мировоззренческими универсалиями культуры. То, что здравому смыслу эпохи представляется само собой разумеющимся, философия проблематизирует и анализирует.

В процессе такого анализа она схематизирует универсалии культуры, превращая их в философские категории.

Оперируя ими как теоретическими конструктами, философия способна выходить за рамки смыслов универсалий своей культуры и генерировать их новые смыслы, адресованные будущему. Эти смыслы выступают как новые философские идеи, которые включаются в поток культурной трансляции. В эпохи поиска новых ценностей, новых стратегий жизнедеятельности они могут стать генераторами новых универсалий культуры как генома новых форм социальной жизни.

В такие эпохи философия становится практической наукой. Сегодня мы живем именно в такую эпоху. Еще сравнительно недавно по историческим меркам, меньше 50 лет назад, мало кто сомневался в том, что тип цивилизационного развития, связанный с «проектом

модерн», обеспечивает прогресс человечества.

Я обозначаю этот тип развития как **техногенную цивилизацию**. Сегодня уже очевидно, что эта цивилизация, вместе с гигантскими достижениями в науке, технологиях, улучшении качества жизни, **породила глобальные кризисы** (экологический, антропологический), грозящие уничтожить само человечество.

В этой связи возникает принципиально новая ситуация отношения к ценностям техногенной цивилизации. Они проблематизируются, нуждаются в видоизменениях, что отмечают уже многие интеллектуалы и Запада, и Востока.

И здесь можно зафиксировать новые аспекты взаимодействия культур. Важным становится нахождение таких **точек роста новых ценностей**, которые порождают мировоззренческие смыслы, могущие быть воспринятыми различными культурами, в том числе и сохранившими стереотипы традиционалистских ментальностей.

<...> Но каковы возможности укоренения этой системы новых мировоззренческих образов и этических регулятивов в массовом сознании? Ведь они во многом ориентируют на созерцательное отношение к природе, свойственное скорее традиционным, чем техногенным культурам. Однако возврат к традиционалистскому типу развития невозможен. Он смог обеспечить жизненными благами лишь небольшую часть населения Земли. В эпоху Ренессанса, когда готовился старт техногенной цивилизации, на всей Земле жило примерно 500 миллионов человек. А сейчас — более 6 миллиардов, и без современных технологий невозможно даже минимальное жизнеобеспечение населения планеты. Кроме того, не следует забывать, что бережное отношение к природе, благоговение перед ней в традиционных культурах сопрягались с определенным пренебрежением к человеку, жизнедеятельность которого в шкале ценностных приоритетов была на вторых ролях. Поэтому, когда мы говорим о возможностях, потенциале восточных культур, отношение к нему должно быть избирательным, а свойственная западной цивилизации приоритетная ценность человека, его духа и его

деятельности, судя по тенденциям постиндустриального развития, должна сохраниться, обретая новые измерения.

В системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) культуры человек рассматривается как противостоящий природе, вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира. Традиционалистская система ценностей, наиболее ярко представленная в древних восточных культурах, полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней; вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию.

Я думаю, что **синтез** этих **двух противоположных представлений** будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью этих двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторые идеи традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание.

Предпосылки такого синтеза возникают не только благодаря осознанию опасности экологической и антропологической катастрофы, угрозе грядущего апокалипсиса, стимулирующей поиск новых ценностей и этических регулятивов. Эти предпосылки порождаются также и современными тенденциями научно-технического развития.

Сегодня на переднем крае науки и технологической деятельности формируется новый тип рациональности. Он связан с интенсивным научным и технологическим освоением принципиально новых типов объектов, представляющих собой сложные саморазвивающиеся системы.

Этот тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый такой новый уровень оказывает

обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

На каждом этапе своей исторической эволюции саморазвивающаяся система сохраняет свою открытость, обмен веществом, энергией и информацией с внешней средой. Но характер этой открытости меняется со сменой типа самоорганизации, адаптирующей систему к окружающей среде. Изменения же типа самоорганизации — это качественные трансформации системы. Они предполагают фазовые переходы. На этих этапах прежняя организованность нарушается, рвутся внутренние связи системы, и она вступает в полосу динамического хаоса.

На этапах фазовых переходов в состоянии динамического хаоса возникает спектр возможных направлений развития системы. В некоторых из них возможно упрощение системы, ее разрушение и гибель. Но возможны и сценарии возникновения новых уровней организации, переводящие систему в качественно новое состояние саморазвития. Из динамического хаоса возникает новый порядок (И. Пригожин).

К саморазвивающимся системам относятся биологические объекты, рассматриваемые не только в аспекте их функционирования, но и в аспекте развития; объекты современных нано- и биотехнологий и, прежде всего, генетической инженерии; системы современного проектирования, когда берется не только та или иная технико-технологическая система, но еще более сложный развивающийся комплекс: человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию, и весь этот комплекс рассматривается в развитии. К саморазвивающимся системам относятся современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог человек-компьютер,

«глобальная паутина» — Интернет. Наконец, все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем.

К исследованию таких систем во второй половине XX века вплотную подошла и физика. Долгое время она исключала из своего познавательного арсенала идею исторической эволюции. Но во второй половине XX в. возникла иная ситуация. С одной стороны, развитие современной космологии (концепция Большого взрыва и инфляционная теория развития Вселенной) привело к идее возникновения во времени всех типов физических объектов и взаимодействий. С другой стороны, в разработку идеи эволюционных объектов внесла свой вклад термодинамика неравновесных процессов (И. Пригожин) и **синергетика**. Взаимовлияние всех этих направлений исследования постепенно инкорпорирует в систему физического знания представления о самоорганизации и развитии.

Среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые включен в качестве компонента сам человек. Примерами таких «человекообразных» комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы «человек — машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т. д.

В процессе исследования и практического освоения «человекообразных объектов» особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия для человека.

В этой связи трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание «человекообразных» систем не только допускает, но и предполагает экспликацию и учет аксиологических факторов. В современных программно-ориентированных исследованиях эта экспликация

осуществляется в ходе социально-этической экспертизы исследовательских программ. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями. Здесь требование экспликации ценностей не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки.

Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и традиционными восточными культурами. Здесь я выделил бы *три основных момента*.

Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, это — живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепаживать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственным и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человекоразмерные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при

действии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождает новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие — укол в определенном пространственно-временном локусе — способно породить (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с древнекитайским принципом «увэй».

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, человекообразными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спрашивали, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Принципиально иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности, и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать «дао», то он каждому давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексию над ценностями в процессы научного поиска, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам.

Сказанное, конечно, не означает, что тем самым принижается

ценность рациональности, которая всегда имела приоритетный статус в западной культуре. Тип научной рациональности сегодня изменяется, но сама рациональность остается необходимой для понимания и диалога различных культур, который невозможен вне рефлексивного отношения к их базисным ценностям. Рациональное понимание делает возможной позиции равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога. В этом смысле можно сказать, что развитые в лоне западной культурной традиции представления об особой ценности научной рациональности, остаются важнейшей опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров, хотя сама рациональность обретает новые модификации в современном развитии. Сегодня во многом теряет смысл ее жесткое противопоставление многим идеям традиционных культур.

Таким образом, на переднем крае научно-технологического развития, в связи с освоением сложных саморазвивающихся систем возникают точки роста новых ценностей и мировоззренческих ориентаций, которые открывают новые перспективы для диалога культур. Анализ «точек роста» новых ценностей в контексте диалога культур важно продолжить и по отношению к другим сферам культуры и социальной жизни — политике, праву, религии, искусству и т. д.

Диалог культур необходим для выработки новых стратегий жизнедеятельности глобализирующегося человечества, для выхода из глобальных кризисов, порожденных современной техногенной цивилизацией.

Стёпин, В. С. Диалог культур и поиск новых ценностей // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 76–84.